

Общественная опасность в современной доктрине уголовного права: инверсионные тенденции развития

С. А. Корнеев, Ю. А. Головастова

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний,
Российская Федерация, 390000, Рязань, ул. Сенная, 1

Для цитирования: Корнеев, С. А., Ю. А. Головастова. 2024. «Общественная опасность в современной доктрине уголовного права: инверсионные тенденции развития». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 4: 993–1011. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.405>

Расширение доктринальных представлений о сущности и содержании общественной опасности — одно из актуальных и своевременных направлений развития уголовно-правовой науки. С учетом влияния социально-политических процессов на уголовное законодательство и практику его применения требуется переосмысление концептуальных основ теории общественной опасности. В статье на основе выявления диалектических противоречий определяются закономерные тенденции развития общественной опасности как уголовно-правового явления. Такими противоположностями признаются теория общественно опасного состояния деяния и теория общественно опасного состояния личности как основания уголовной ответственности. Между тем представленный прием позволяет также выявить пробелы и недостатки уголовного законодательства, снижающие эффективность правового регулирования в уголовно-правовой сфере. В результате нормотворческой работы в Уголовном кодексе РФ (УК РФ) закрепляются новые законодательные конструкции, противоречащие не только принципам криминализации, но и принципам уголовного права. К наиболее проблемным вопросам в этой сфере относятся уголовно-правовые запреты, регламентирующие ответственность за общественно опасное состояние личности; нормы уголовного права, предусматривающие неоправданное снижение общественной опасности деяния; расширение составов с административной преюдицией. Они вынуждают поставить вопрос о целесообразности и необходимости их внедрения в уголовно-правовую ткань законодательства. В процессе исследования авторы обосновывают мысль о том, что для такого уголовно-правового явления, как «общественная опасность», характерны инверсионные тенденции развития. Проведенный анализ показывает, что данный тип развития характеризуется повторяющимися качественными изменениями, присутствующими в уголовном законодательстве (снижающими или повышающими общественную опасность или свидетельствующими о ее утрате), в основе которых лежат диалектические противоречия. Авторы приходят к выводу о том, что существует дуализм в понимании общественной опасности, которая признается основанием уголовной ответственности, что находит непосредственное закрепление при конструировании норм Особенной части УК РФ.

Ключевые слова: общественная опасность, преступление, состояние личности, статус личности, основание уголовной ответственности, административная преюдиция, уголовное право.

1. Введение

В условиях влияния динамично меняющихся социальных и политических процессов на уголовную политику, законодательство и право актуализируется вопрос о сущности и содержании понятия «общественная опасность», которое занимает важное место в теории уголовного права, привлекая внимание ученых-исследователей, что предопределяется зависимостью ряда уголовно-правовых институтов от его трактовки.

Категория «общественная опасность» выступает предметом ряда современных уголовно-правовых исследований, в том числе фундаментальных. Представители научного сообщества акцентируют внимание на сущности и законодательной дефиниции общественной опасности как научной категории (Епифанова 2012), рассматривают ее с позиции признака преступления, отличающего его от иных правонарушений (Васильев 2007), основания криминализации или декриминализации (Прозументов 2009), а также с позиции состояния лица, давая при этом оценку трансформации процесса криминализации в целом и установлению подобного основания уголовной ответственности и легитимности уголовного преследования в частности (Лопашенко 2011, 71). Несмотря на полноту и всесторонность доктринального анализа названной категории, полагаем, что отдельным вопросам, вызывающим сложности теоретико-прикладного характера, не уделяется должного внимания. В частности, речь идет о качественном изменении общественной опасности деяния, а также об общественной опасности личности и допустимости подобного процесса в рамках уголовно-правовых отношений.

С учетом социально-политических изменений, оказывающих влияние на сферу уголовной ответственности, необходим комплексный анализ изучаемой категории. Это объясняется как неопределенными процессами общественного развития, так и проявлениями стихийного нормотворчества в уголовно-правовой сфере, результатом чего выступают новые законодательные конструкции, вступающие в противоречие не только с принципами криминализации, но и с принципами уголовного права. К ним можно отнести ряд дискуссионных правовых явлений: новые уголовно-правовые запреты, предусматривающие ответственность за общественно опасное состояние личности, где акцент смещается с объективной общественной опасности в сторону субъективной; «новые» нормы уголовного права, предусматривающие неоправданное снижение общественной опасности деяния; расширение составов с административной преюдицией и др. Действительно, такие правовые явления порождают критику и диктуют необходимость их всесторонней оценки с точки зрения целесообразности и оправданности в тексте уголовного закона.

Современный подход к анализу категории «общественная опасность» не ограничивается критикой и констатацией в ее структуре объективного и субъективного, так как позволяет рассуждать о том, всегда ли опасность личности может выражаться в опасности совершенного деяния.

Закономерности и тенденции развития любого явления могут быть установлены путем рассмотрения противоречий, в том числе характерных для уголовного права. Каковы тенденции развития уголовно-правового явления «общественная опасность»? Для ответа на данный вопрос нужно выделить противоположности,

единство и борьба которых дают импульс к его развитию. В данном случае такими противоположностями признаются концепции общественно опасного деяния и опасного состояния личности как основания уголовной ответственности. Указанные противоречия позволяют определить качественные изменения в уголовной политике и уголовном законодательстве, выявить тенденции развития любого уголовно-правового явления.

Тип развития, описывающий изменения, которые не движутся по кругу, а совершают маятниковые колебания от одного полюса к другому и обратно, в философии и культурологии получил название «инверсионный», причем это слово означает переворачивание, перестановку компонентов, смену приоритетов (Петров, Петрова 2015, 60). Данная категория, не утрачивая истинного значения, широко востребована и в юридической литературе (Супатаев 2010, 8). Полагаем, что эскалация и дезэскалация объективно существующей возможности наступления негативных последствий для лица, социума или государства — это инверсионный тип развития общественной опасности.

Учитывая сказанное, мы видим свою задачу в поиске новых возможностей, оптимизирующих нормы уголовного законодательства, предусматривающие его совершенствование. С этой целью предлагаем учитывать инверсионные процессы, что позволит прогнозировать построение уголовного законодательства, разрешать диалектические противоречия. В частности, они могут быть вызваны социально-политическими, научными и иными факторами: историческим развитием российского государства; статистическими сведениями о распространенности общественно опасного деяния; мнениями ученых в области уголовного права; результатами социологических исследований; политической обстановкой. В силу данных обстоятельств некоторые реформы проходят в максимально сжатые сроки и носят спиралевидный характер, что подпадает под описание инверсионных проявлений. Так, изменение позиции законодателя, касающейся ответственности за клевету, демонстрирует разные витки исторической спирали: сначала она рассматривалась в качестве уголовного, затем — административного, а потом вновь уголовного деяния. Кроме того, имеющаяся информация о новых видах преступлений, закрепленных в Уголовном кодексе РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (УК РФ), позволяет признать, что существующие конструкции подчас не соответствуют сложившимся и действующим классическим представлениям теории уголовного права. Инверсионные тенденции просматриваются в том, что устанавливается уголовная ответственность за характеристику личности, например за криминально опасный статус (ст. 210¹ УК РФ). Возникает вопрос: как относиться к подобным тенденциям? Думается, что с определенной степенью скептицизма, поскольку сказанное противоречит запрету на объективное вменение. Помимо прочего, инверсионные тенденции проявляются в том, что в уголовном законодательстве РФ достаточно распространены случаи административной преюдиции; это свидетельствует об установлении категории общественно опасного состояния личности. Получается, что такие тенденции, с одной стороны, не случайны, поскольку обусловлены социально-экономическими и политическими изменениями действительности, новой реальностью, а с другой — позволяют выявить риски, ошибки, сбои в системе уголовного права между ее взаимосвязанными элементами. С этой целью мы и предприняли попытку дать всестороннюю

и объективную оценку процессам в сфере уголовного нормотворчества, касающимся трактовки понятия «общественная опасность», основываясь на анализе доктринальных позиций и мнений практиков и используя термин «инверсия». Такое исследование может способствовать определению стратегического вектора развития уголовного права в будущем.

2. Основное исследование

2.1. Понятие «общественная опасность» в науке уголовного права

В толковых словарях русского языка опасность отождествляется с возможностью, угрозой наступления отрицательного, нежелательного явления, например несчастья, бедствия или катастрофы (Ожегов, Шведова 2010, 454). Опасный человек ассоциируется с лицом, способным негативно повлиять, оказать пагубное воздействие на кого-/что-либо (Аверинцев и др. 1989, 715). В словарях управления организацией представлено более широкое и обстоятельное определение рассматриваемого явления. Так, под опасностью необходимо понимать объективно существующую возможность негативного воздействия на общество, личность, государство и природную среду, в результате которого им может быть причинен какой-либо ущерб, вред, ухудшающий их состояние, а равно придающий их развитию нежелательную динамику и параметры (Поршнев, Кибанов, Гунин 2009, 398).

С учетом представленных толкований полагаем, что опасность следует определить в качестве объективно существующей возможности наступления негативных последствий для лица, общества или государства.

Значение слова «общество» базируется на доктринальных исследованиях в области истории, философии, социологии, экономики и представлено в достаточно широком перечне специализированной литературы. Так, Аристотель видел в обществе совокупность человеческих индивидов, объединяющихся для удовлетворения «социальных инстинктов»; Т. Гоббс и Ж.-Ж. Руссо дополняли цель такого объединения контролем над своими действиями; К. Маркс и Ф. Энгельс отстаивали точку зрения, согласно которой общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу (Аверинцев и др. 1989, 437).

Составители современных энциклопедических изданий определяют рассматриваемое слово как совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей (Махов и др. 2004, 829). В социологии под обществом понимается сложившаяся в процессе исторического развития относительно устойчивая система социальных связей и отношений между людьми на основе совместной деятельности, направленной на воспроизводство материальных условий существования и удовлетворение потребностей (Осипов 1998, 212). В экономике — обособившаяся от природы, но тесно связанная с ней часть материального мира, которая состоит из индивидов, обладающих волей и сознанием, и включает в себя способы взаимодействия людей и формы их объединения. В качестве подсистем общества Е. Е. Румянцева выделяет экономическую, социальную, политическую и духовную (Румянцева 2010, 409). В толковых словарях русского языка под обществом пони-

мается совокупность людей, объединенных исторически обусловленными социальными формами совместной жизни и деятельности — общностью положения, происхождения, интересов, определенными производственными отношениями и т. д. (Ожегов, Шведова 2010, 440).

Осмысление приведенных воззрений позволяет говорить о том, что в узком смысле общество есть группа людей (как правило, два и более человека), объединенных по тому или иному основанию; личность выступает звеном общественной цепочки, а рассматриваемые категории соотносятся как часть и целое.

Подтверждением данного тезиса служат конкретные составы преступлений, закрепленные в Особенной части УК РФ. Так, при совершении преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ, субъект выполняет действие, грубо нарушающее общественный порядок, тем самым выражая явное неуважение к обществу, т. е. совокупности людей, объединенных исторически обусловленными социальными формами совместной жизни и деятельности. Террористический акт (ст. 205 УК РФ) подразумевает совершение действий, устрашающих население, т. е. общество, и создающих опасность гибели человека — члена социума. В то же время в уголовном законе встречаются составы преступлений, посягающие на права и законные интересы одного гражданина. Так, умышленное причинение смерти другому человеку (ст. 105 УК РФ), независимо от его социального статуса, возраста, физических признаков, моральных качеств или образа жизни, нарушает не исключительные права гражданина, регламентированные Конституцией РФ, а общественные отношения, обеспечивающие жизнь члена социума в целом. Государство же является регулятором общественных отношений, формой организации общества, возникающей в результате достижения им определенного уровня развития. Таким образом, общество в широком смысле включает в себя и личность (индивида), и государство.

Составители юридической энциклопедической литературы не склонны к обособлению и самостоятельному толкованию общества и опасности, а рассматривают их в качестве единого правового явления. Так, под общественной опасностью понимаются:

— свойство преступления причинять вред общественным отношениям (Марченко 2008, 415);

— объективный признак *состава преступления*, выражающий его социальное (материальное) свойство, наличие или отсутствие которого не зависит от воли законодателя и правоприменителя (Сухарев 1999, 1848);

— критерий криминализации и декриминализации тех или иных деяний, дифференциации уголовной ответственности и наказания, отнесения отдельных обстоятельств совершенного преступления к перечню обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание (Сухарев 1999, 1849);

— объективный (материальный) признак преступления или иного *правонарушения*, выражающий вредность такого поведения для общества, нанесение или реальную угрозу нанесения существенного ущерба господствующим в нем общественным отношениям, образу жизни (Сухарев, Зорькин, Крутских 1997, 434);

— *основной* признак, характеризующий преступление и отграничивающий уголовно-наказуемые деяния от других видов правонарушений: административных, гражданских и т. д. (Братусь и др. 1953, 468).

Безусловно, представленные виды доктринальных воззрений носят обоснованный характер и расширяют сферу знаний о категории общественной опасности. В то же время некоторые из них достаточно уязвимы с точки зрения положений действующего законодательства. Так, сложно разделить позицию, согласно которой общественная опасность выступает признаком правонарушения. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, норма уголовного закона о малозначительности деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ) позволяет отграничить преступление от иных правонарушений и направлена на реализацию принципа справедливости (ст. 6 УК РФ), согласно которому наказание и иные меры уголовно-правового характера должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного¹.

С учетом изложенного, а равно принципов лаконичности и емкости, под общественной опасностью необходимо понимать объективно существующую возможность наступления негативных последствий для лица, социума или государства.

2.2. Уголовное законодательство об общественной опасности как признаке преступления и состоянии личности

Нормы уголовного закона не содержат дефиниции общественной опасности, не определяют ее сущность и механизм, способствующий объективной оценке опасности для субъектов уголовно-правовых отношений. Доктринальное толкование положений УК РФ позволяет заключить, что под общественной опасностью понимаются различные явления.

Во-первых, отметим основание криминализации и декриминализации деяний (ч. 2 ст. 2 УК РФ). Так, в соответствии с законопроектом от 30.03.2023 № 325719-8, уголовный закон предлагается дополнить нормой (ст. 230³ УК РФ), определяющей пределы уголовной ответственности за пропаганду незаконного оборота, потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры. В качестве основной аргументации предложенной законодательной инициативы в пояснительной записке к законопроекту констатируется факт общественной опасности деяния — охват многомиллионной аудитории, существенной частью которой являются несовершеннолетние, а также расширение рынка сбыта запрещенных веществ².

Во-вторых, имеется в виду признак преступления (ст. 2, 5, 6, 9, 14 УК РФ), который служит основанием для разделения преступлений на категории (ст. 15 УК РФ),

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2013 № 1162-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Филимонова Дмитрия Ивановича на нарушение его конституционных прав ч. 2 ст. 14 УК РФ. Здесь и далее, если не указано иное, все ссылки на российские нормативно-правовые акты и судебную практику приводятся по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 21 октября, 2024. <https://www.consultant.ru>.

² Законопроект от 30.03.2023 № 325719-8 «О внесении изменений в УК РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ (в части установления уголовной ответственности за пропаганду незаконного оборота, потребления наркотиков)». Здесь и далее, если не указано иное, все ссылки на проекты российских нормативно-правовых актов приводятся по portalу «Система обеспечения законодательной деятельности». Дата обращения 22 октября 2024. <https://sozd.duma.gov.ru>.

а также критерием индивидуализации наказания (ч. 3 ст. 47, ч. 3 ст. 60, ч. 1 ст. 68, ч. 2 ст. 73 УК РФ). Отсутствие же общественной опасности в действии (бездействии), формально содержащем признаки деяния, предусмотренного Особенной частью УК РФ, предполагает отказ в признании содеянного преступлением (ч. 2 ст. 14 УК РФ).

Ломоносовский районный суд Ленинградской области в ходе разбирательства по уголовному делу в отношении Б., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ, постановил прекратить уголовное преследование в связи с отсутствием состава преступления. В качестве аргументации принятого решения суд сослался на незначительный объем материального ущерба (46 руб. 4 коп.) и, как следствие, несущественный вред интересам юридического лица (ООО «Агроторг»), а также на полное возмещение вреда подсудимым, что позволило установить недостаточность общественной опасности и признать содеянное малозначительным³.

В соответствии с положениями уголовного закона, мерилом общественной опасности выступают ее характер и степень. Сущность данных показателей раскрывается в соответствующем Постановлении Пленума Верховного Суда РФ. Так, характер общественной опасности преступления определяется уголовным законодательством, зависит от установленных судом признаков преступления и определяется прежде всего исходя из направленности деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред. Степень общественной опасности устанавливается уполномоченным органом государственной власти в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного — характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли субъекта в его совершении, формы вины, смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств⁴.

В-третьих, следует учитывать состояние личности, выступающее основанием (условием) применения иных мер уголовно-правового характера (ч. 2 ст. 97, ч. 4 ст. 101 УК РФ) и в силу определенных уголовным законом обстоятельств имеющее предрасположенность к качественному изменению (ч. 1 ст. 75, ст. 80¹ УК РФ).

Итак, анализ норм уголовного законодательства позволяет констатировать необходимость рассмотрения общественной опасности в двух плоскостях: признака преступления и состояния личности. Однако в доктрине уголовного права данная точка зрения далеко не единственная.

2.3. Общественно опасное деяние и общественно опасное состояние личности как основания уголовной ответственности

Все имеющиеся мнения относительно категории общественной опасности, представленные на страницах юридических изданий, можно с определенной долей условности изложить следующим образом.

³ Постановление от 02.07.2020 по уголовному делу № 1-132/2020 // Архив Ломоносовского районного суда Ленинградской области.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами РФ уголовного наказания».

Первая группа исследователей рассматривает данное понятие исключительно с позиции признака преступления, его материального свойства (Филимонов 2018, 145), что, в свою очередь, служит основанием криминализации или декриминализации. Так, согласно мнению ведущих специалистов в области уголовного права, именно общественная опасность выделяет преступления среди иных правонарушений, подчеркивает их качественное своеобразие и придает самостоятельность уголовному праву как отрасли права (Лопашенко и др. 2020, 134). Отдельные представители данного направления идут дальше и проводят сравнительный анализ *общественной опасности деяния* и его *общественной вредности*, при этом отождествляя (Коробеев 1999, 231) либо разграничивая заявленные категории (Марцев 2001, 148). Противоположной позиции придерживается И. П. Семченков, полагая, что признание преступления общественно опасным методологически несостоятельно и не соответствует действительности (Семченков 2019, 43).

Иная точка зрения сводится к выделению общественной опасности личности преступника через свойства совершенного общественно опасного деяния (Волженкин 1963, 93). Как утверждают А. В. Бриллиантов и А. Д. Щербаков, введение норм преюдиционного характера, а также норм права, определяющих пределы уголовной ответственности за занятие лицом высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹ УК РФ), свидетельствуют о начинающемся возрождении идеи социально опасного состояния личности в отечественном уголовном законодательстве (Бриллиантов, Щербаков 2020, 97).

Представители третьей группы полагают, что общественная опасность характеризует не только деяние, но и его субъекта. Так, Б. Т. Разгильдиев отмечает, что основой предупреждения преступлений посредством мер уголовно-правового воздействия выступают характер общественной опасности преступления и степень общественной опасности лица, его совершившего (Разгильдиев 2017, 544–545).

Выделим точку зрения В. В. Мальцева, полагающего, что общественная опасность является важнейшим свойством преступного действия (бездействия), последствий преступления и личности преступника. По мнению ученого, общественная опасность преступления производна от показателей общественной опасности всех ее элементов (Мальцев 1986, 7). Позднее автор предпочел обобщить рассматриваемые свойства в единую уголовно-правовую категорию «общественно опасное поведение» (Мальцев 1993, 9).

Другие ученые, констатируя необходимость унификации действующего уголовного законодательства, считают целесообразным отказаться от общественной опасности ввиду отсутствия единообразного толкования этой категории. По мнению Л. Б. Антоновой, общественная опасность является крайне абстрактным понятием, неподходящим для использования в юридических конструкциях, а потому установление истины в решении заявленного вопроса лежит в плоскости философии (Антонова 2023, 259).

Сложно опровергнуть тот факт, что общественная опасность выступает признаком преступления, его материальным свойством, критерием, отграничивающим его от иных правонарушений, и служит основанием криминализации и декриминализации деяний. Параллельно с этим общественная опасность представляет собой свойство личности, которое, вопреки фундаментальным положениям уголовного законодательства и основным постулатам, выработанным доктриной

советского уголовного права, служит основанием уголовной ответственности и криминализации соответственно.

Напомним, что Федеральным законом от 01.04.2019 № 46-ФЗ в УК РФ была введена ст. 210¹, предусматривающая ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. В специализированной учебной литературе во избежание коллизий с базовыми положениями уголовного закона (в том числе со ст. 8 УК РФ) отдельные представители научного сообщества, поддерживая заявленную законодательную инициативу посредством доктринального толкования, определили объективную сторону преступления в форме действия, а именно выполнения лидерских действий в преступной среде (Прокументов 2019, 392); занятия высшего положения в преступной иерархии (Денисов, Готчина, Хлебушкин 2020, 432); признания авторитета, лидерства лица в преступном мире (Иногамова-Хегай 2023, 187).

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, не характеризуется самостоятельным общественно опасным деянием. Парадоксально, но она выражается в том, что лицо пребывает в определенном опасном состоянии, являясь носителем высшего криминального статуса. Даже после привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 210¹ УК РФ общественная опасность криминального состояния не снижается.

Уверены, что нельзя смешивать разные вещи: реальный криминальный статус лица как разновидность общественно опасного состояния, с одной стороны, и общественно опасное деяние как признак преступления — с другой. Существующий коренной недостаток, заложенный в законодательной конструкции, состоит в том, что преступление, предусмотренное ст. 210¹ УК РФ, рассматривается на практике как общественно опасное (криминальное состояние), а не общественно опасное деяние, что подтверждается решениями уполномоченных органов государственной власти⁵.

Полагаем, что исключение общественной опасности из орбиты уголовного права должным образом не аргументировано. Сложность отчасти объясняется оценочным характером исследуемого понятия. Наравне с общественной опасностью в тексте уголовного закона имеются и иные оценочные категории, уяснение сущности которых достигается в результате судебного и доктринального толкований. Так, специалисты в области уголовного права относят к их числу справедливость, малозначительность, вменяемость, иные тяжкие последствия, иное вовлечение, публичные призывы и др. (Антонов и др. 2013). Содержащиеся в законе оценочные признаки позволяют дать более детальную оценку общественно опасного деяния. Выходом из сложившейся ситуации является не прекращение дискуссии о сущности рассматриваемого явления, а углубление в нее, вывод научной полемики на более высокий, методологический уровень.

Таким образом, фактически в настоящее время общественная опасность деяния наравне с общественной опасностью личности выступает основанием уголовной ответственности и непосредственно учитывается при конструировании норм Особенной части УК РФ. Не менее важен вопрос о возможности, допустимости

⁵ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28.07.2022 № 5-УД22-82-А1; Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 30.05.2022 № 55-570/2022.

качественного изменения общественной опасности деяния и общественной опасности личности в сторону повышения или снижения, не исключая полную утрату такой опасности.

2.4. Качественное изменение общественной опасности личности

С учетом вектора развития современной уголовной политики, положения действующего уголовного законодательства и материалы следственно-судебной практики, с определенной уверенностью можно констатировать объективно существующую возможность изменения общественной опасности лица как в сторону повышения, так и снижения соответственно.

Так, в соответствии с Федеральным законом от 30.12.2021 № 458-ФЗ УК РФ был дополнен нормой-новеллой, устанавливающей уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, ранее привлекавшимся к административному наказанию и лишенным права управления транспортным средством (ст. 264² УК РФ). В пояснительной записке к рассматриваемому законопроекту внимание в большей степени акцентировалось на существующей потенциальной общественной опасности личности и несостоятельности административно-правового воздействия в этом направлении. Аргументацией стало подтверждение трагических данных о происшествиях с погибшими водителями, пассажирами и пешеходами по вине лиц, которые вообще не должны были управлять транспортным средством и сели за руль в нарушение судебного запрета⁶.

Рассмотренный случай, а также иные примеры включения в уголовный закон составов с административной преюдицией свидетельствуют о том, что повышение общественной опасности личности, обусловленное неоднократным нарушением административно-правового запрета, является основанием для установления возможности уголовного преследования.

Уменьшение общественной опасности личности, как правило, имеет место при решении вопроса об освобождении лица, нарушившего уголовно-правовой запрет, от уголовной ответственности. Снижение угрозы наступления негативных последствий для общества коррелирует с постпреступной, позитивной, социально-одобряемой деятельностью лица, совершившего преступление небольшой или средней тяжести впервые.

Кусинский районный суд Челябинской области постановил прекратить уголовное дело с назначением судебного штрафа в отношении В., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ст. 151¹ УК РФ. Принятое решение обусловлено констатацией ряда юридически значимых фактов, установленных в ходе судебного разбирательства, что послужило основанием уполномоченному органу государственной власти прийти к выводу о *существенном снижении общественной опасности лица*, нарушившего уголовно-правовой запрет⁷.

⁶ Законопроект от 25.05.2022 № 130391-8 «О внесении изменений в УК РФ и ст. 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса РФ».

⁷ Постановление по уголовному делу от 06.07.2020 № 1-69/2020 // Архив Кусинского районного суда Челябинской области.

Наличие иных юридически важных обстоятельств позволили Октябрьскому районному суду г. Саранска Республики Мордовия прийти к аналогичному заключению: констатировать *существенное снижение общественной опасности личности виновного*. В итоге суд постановил прекратить уголовное дело в отношении С., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ на основании ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ⁸.

2.5. Качественное изменение общественной опасности деяния

Несколько иначе обстоит вопрос с качественным изменением общественной опасности деяния. Напомним, что факт приобретения или утраты общественной опасности акта поведения человека, объектированного в форме действия (бездействия), является основанием для его криминализации и декриминализации. В связи с этим заслуживают внимания последние изменения уголовного законодательства, касающиеся новых составов преступлений против военной службы — добровольная сдача в плен (352¹ УК РФ), против мира и безопасности человечества — мародерство (ст. 356¹ УК РФ) и др.

Рассуждая о декриминализации тех или иных деяний, общественная опасность которых с течением времени изменилась в обратную сторону, полагаем целесообразным рассмотреть действие инверсионных процессов на примере ст. 282 УК РФ. Так, до декабря 2018 г. в судебных решениях о привлечении лиц к уголовной ответственности за возбуждение ненависти либо вражды (ст. 282 УК РФ) констатировался факт *повышенной общественной опасности* умышленного преступления против основ конституционного строя и безопасности государства⁹.

Вместе с тем уже в октябре 2018 г. в Государственную Думу РФ был внесен для обсуждения законопроект, направленный на гуманизацию отечественного уголовного законодательства в части, касающейся ответственности за действия, связанные с возбуждением ненависти или вражды, а также с унижением человеческого достоинства. В пояснительной записке отмечалось, что искомое деяние *не представляет серьезной угрозы* для конституционных прав граждан, их чести и достоинства¹⁰. Принимая решение, вступившее в законную силу 27.12.2018, о частичной декриминализации деяния, закрепленного в ст. 282 УК РФ, законодательный орган менял оценку фактической, социальной общественной опасности, тем самым сформировав задел для административной преюдиции.

В настоящее время уполномоченные органы государственной власти в ходе судебного разбирательства по уголовному делу, возбужденному по ст. 282 УК РФ, исключают констатацию факта повышенной общественной опасности содеянного. Приведенный пример отражает закономерный процесс и свидетельствует об обязанности суда учитывать смену или корректировку политических процессов в уголовной политике.

⁸ Постановление по уголовному делу от 14.09.2018 № 1-237/2018 // Архив Октябрьского районного суда г. Саранска Республики Мордовия.

⁹ Приговор по уголовному делу от 01.12.2017 № 1-541/2017 // Архив Кировского районного суда г. Томска.

¹⁰ Пояснительная записка от 03.10.2018 к законопроекту № 558345-7 «О внесении изменения в ст. 282 УК РФ».

Полностью утратившее свою общественную опасность деяние по общему правилу подлежит исключению из уголовного закона (ст. 129, 130, 152 УК РФ и т. д.). Так, 07.12.2011 из текста УК РФ был исключен ряд норм, определяющих пределы уголовной ответственности за клевету (ст. 129 УК РФ), в том числе в отношении лиц, осуществляющих производство по уголовному делу (ст. 298 УК РФ), а также за оскорбление (ст. 130 УК РФ). По степени общественной опасности оскорбление и клевета в большей мере соответствуют деяниям, регламентированным административным законодательством, нежели уголовным, о чем говорится в пояснительной записке к законопроекту¹¹; это в очередной раз подтверждает основание для разграничения преступлений от иных правонарушений.

Уже 06.07.2012 в Государственную Думу РФ был внесен законопроект, свидетельствующий о процессе криминализации, в соответствии с которым было принято решение о возвращении в УК РФ нормы, предусматривающей ответственность за клевету, с установлением повышенных санкций и новых квалифицирующих признаков. Позиция депутатов Государственной Думы РФ подкреплена констатацией несостоятельности административно-правового воздействия в этом направлении, опыта ряда зарубежных стран в части установления уголовной ответственности за клевету, спецификой уголовно-правовой доктрины и повышенной общественной опасностью рассматриваемого деяния¹². В итоге уголовный закон был дополнен ст. 128¹ «Клевета».

К сожалению, в современной следственно-судебной практике изложенная концепция интерпретируется несколько иначе. Правоприменительные органы либо отождествляют факты снижения общественной опасности личности и совершенного преступления, либо констатируют утрату общественной опасности деяния на основании уменьшения искомой опасности лицом, нарушившим уголовно-правовой запрет.

Шарьинский районный суд Костромской области в ходе разбирательства по уголовному делу, возбужденному по факту совершения преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 327 УК РФ, пришел к следующему выводу. Действия подсудимого, направленные на заглаживание вреда, причиненного содеянным, свидетельствуют *о снижении степени общественной опасности преступления*. Учет этого, а равно иных юридически значимых фактов позволил суду прекратить уголовное преследование, освободив Н. от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа¹³.

Легитимность принятого решения, на первый взгляд, не вызывает сомнений и коррелирует с позицией Конституционного Суда РФ. В соответствии с ней постпреступная, социально одобряемая деятельность лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, может свидетельствовать о снижении степени общественной опасности содеянного, нейтрализации его вредных послед-

¹¹ Пояснительная записка от 07.06.2011 к законопроекту № 559740-5 «О внесении изменений в УК РФ и отдельные законодательные акты РФ».

¹² Пояснительная записка от 06.07.2012 к законопроекту № 106999-6 «О внесении изменений в УК РФ и отдельные законодательные акты РФ».

¹³ Постановление от 24.02.2022 по уголовному делу № 1-43/2022 // Архив Шарьинского районного суда Костромской области.

ствий¹⁴. Действительно, уголовное законодательство в определенных случаях допускает возможность существенного уменьшения степени общественной опасности преступления. Как правило, это происходит, когда мы сталкиваемся с исключительными обстоятельствами, связанными с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления и другими юридически значимыми обстоятельствами. Указанный перечень не является исчерпывающим, вследствие чего суду делегировано право оценки того или иного обстоятельства, связанного с нарушением уголовно-правового запрета, и констатации факта его исключительности (ст. 64 УК РФ). Достаточно отчетливо проявление данного процесса просматривается при назначении более мягкого наказания в отличие от тех оснований, которые предусмотрены санкцией статьи УК РФ. В то же время норма уголовного закона, регламентирующая освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, не предусматривает возможность кардинального изменения общественной опасности преступления (ст. 76² УК РФ). Доктринальное толкование указанной статьи свидетельствует лишь о вероятном изменении общественной опасности личности посредством возмещения ущерба или заглаживания вреда, причиненного содеянным. Таким образом, по нашему мнению, в действительности речь идет о применении уголовного закона по аналогии, что недопустимо в соответствии с действующим уголовным законодательством (ч. 2 ст. 3 УК РФ).

Ольский районный суд Магаданской области принял аналогичное решение в отношении К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «а» и «в» ч. 1 ст. 256 УК РФ, прекратив уголовное преследование с назначением судебного штрафа. Оценив юридически значимые обстоятельства дела, суд пришел к выводу о том, что незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов в местах нереста или на миграционных путях к ним с причинением крупного ущерба вообще утратила общественную опасность¹⁵.

Утрату общественной опасности деяния, предусмотренного ст. 171⁴ УК РФ, констатировал Балтачевский районный суд Республики Башкортостан. Подобное решение обусловлено выполнением подсудимой действий, регламентированных ст. 75 УК РФ, что позволило прекратить уголовное дело в связи с деятельным раскаянием¹⁶.

Тулунский городской суд Иркутской области посчитал, что вследствие деятельного раскаяния Р. совершенное им преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228 УК РФ, также утратило общественную опасность. В связи с этим суд счел необходимым прекратить уголовное преследование, так как данное решение соответствует целям и задачам защиты прав и законных интересов личности, отвечает требованиям справедливости и целям правосудия¹⁷.

¹⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 26.10.2017 № 2257-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гафитулиной Т. И. на нарушение ее конституционных прав п. 1 ст. 1 Федерального закона от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»».

¹⁵ Постановление от 25.11.2020 по уголовному делу № 1-66/2020 // Архив Ольского районного суда Магаданской области.

¹⁶ Постановление от 10.07.2020 по уголовному делу № 1-100/2020 // Архив Балтачевского районного суда Республики Башкортостан.

¹⁷ Постановление от 23.01.2020 по уголовному делу № 1-400/2019 // Архив Тулунского городского суда Иркутской области.

Действительно, нормы уголовного закона допускают возможность утраты общественной опасности лица или совершенного им преступления, но лишь в случае изменения обстановки (ст. 80¹ УК РФ). Приведенные же, а также иные примеры из судебной практики не в полной мере согласуются с общепризнанной теорией криминализации. Констатация снижения (уменьшения) или полной утраты общественной опасности преступлений во вступивших в законную силу судебных решениях подразумевает необходимость полной или частичной декриминализации деяний. Однако действующий УК РФ не исключает возможности уголовного преследования лиц за незаконный оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей и бланков (ст. 327 УК РФ), наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 228 УК РФ), незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ) и иных преступлений. В этом видится явное противоречие, порождаемое, с одной стороны, объективными причинами, т. е. происходящими изменениями в социально-политической действительности, а с другой — поспешными необдумантыми решениями правоприменителей, что свидетельствует об их субъективном характере. В частности, не в полной мере согласуются рассматриваемые судебные решения и с положениями уголовного законодательства. Анализ норм УК РФ, определяющих освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, позволяет заключить, что постпреступная позитивная деятельность лица, выражающаяся в явке с повинной, способствовании раскрытию и расследованию совершенного им преступления, возмещении причиненного ущерба или заглаживании вреда свидетельствует об утрате личностью общественной опасности (ст. 75 УК РФ). Данный тезис находит подтверждение в позиции Пленума Верховного Суда РФ. Так, согласно его разъяснениям, при разрешении вопроса об утрате лицом общественной опасности необходимо учитывать всю совокупность обстоятельств, предусмотренных ст. 75, 76 УК РФ, характеризующих поведение лица после совершения преступления, а также данные о его личности¹⁸. Общественная же опасность деяния, закрепленного в Особенной части УК РФ, остается неизменной.

3. Выводы

Происходящие социально-политические изменения в стране приводят к разбалансированности, несоответствию уголовного законодательства тем реальным вызовам — новым формам общественной опасности, с которыми сталкивается государство. В процессе решения встречающихся противоречий во избежание оторванности УК РФ от существующих условий и закономерностей общественного развития нами установлены инверсионные тенденции развития уголовно-правового явления «общественная опасность». Их можно определить как маятниковые, повторяющиеся качественные изменения уголовного законодательства (снижающие и повышающие общественную опасность) или свидетельствующие о ее утрате, обусловленные внутренними и внешними противоречиями.

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

Анализируя развитие уголовно-правовой категории, следует признать, что ее нужно рассматривать в двух плоскостях: объективной — как признак преступления, и субъективной — как характеристику состояния личности. Несмотря на ряд тождественных, объединяющих признаков, они обособлены друг от друга. Общим же является то, что в обоих случаях данное явление представляет собой свойство, разрушающее или создающее угрозу разрушения общественных ценностей, присущее деянию и лицу соответственно.

Изложенное дает основание заключить, что общественная опасность деяния выступает основанием уголовной ответственности и непосредственно учитывается при конструировании норм Особенной части УК РФ. Общественная опасность личности коррелирует с совершенным общественно опасным деянием. Вместе с тем отдельно само общественно опасное состояние личности не должно служить основанием уголовной ответственности, что предопределяется важнейшими фундаментальными положениями и конструкциями уголовного законодательства.

Приобретение искомого качества (деянием, лицом) предполагает установление возможности уголовного преследования и криминализации соответственно. Утрата общественной опасности деяния, а равно лица, его совершившего, выступает основанием декриминализации.

Выявленные инверсионные тенденции развития общественной опасности лица объясняют внедрение в уголовный закон составов с административной преюдицией, где повышение объективно существующей возможности наступления негативных последствий обусловлено неоднократным нарушением административно-правового запрета, что представляет собой основание для установления возможности уголовного преследования. Уменьшение же общественной опасности личности, как правило, связано с ее постпреступной, социально-одобряемой деятельностью в рамках реализации института освобождения от уголовной ответственности. Анализируя изменения уголовного законодательства с учетом инверсионного типа развития общественной опасности деяния, можно определенно отметить, что он базируется на изменении вектора развития уголовной политики и не зависит от постпреступной деятельности лица, нарушившего уголовно-правовой запрет.

Таким образом, обращение к проблеме общественной опасности вызвано стремлением к уточнению теоретико-методологических основ уголовно-правовой науки. Хотя понятие общественной опасности достаточно подробно исследовалось в науке уголовного права, его переосмысление, выявление закономерностей и тенденций развития способствуют модернизации доктрины уголовного права.

Библиография

- Аверинцев, С. С., Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев, С. М. Ковалев, Н. М. Ланда, ред. 1989. *Философский энциклопедический словарь*. М.: Сов. энцикл.
- Антонов, Ю. И., В. Б. Боровиков, А. В. Галахова, И. И. Голубов, Н. Н. Ишматова, Г. Б. Калманов, В. А. Новиков, Н. И. Пикуров, Б. С. Райкес, Г. А. Русанов. 2013. *Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование*. Под ред. А. В. Галаховой. М.: СПС «КонсультантПлюс».
- Антонова, Л. Б. 2023. «Правонарушение, преступление и общественная опасность». *Вестник Воронежского института МВД России* 1: 256–260.
- Братусь, С. Н., Н. Д. Казанцев, С. Ф. Кечекьян, Ф. И. Кожевников, В. Ф. Коток, П. И. Кудрявцев, В. М. Чхиквадзе. 1953. *Юридический словарь*. М.: Гос. изд-во юрид. лит.

- Бриллиантов, А. В., А. Д. Щербаков. 2020. «Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад?» *Государство и право* 10: 90–99.
- Васильев, Э. А. 2007. «Общественная опасность — основной критерий отграничения административных правонарушений от преступлений». *Государство и право* 4: 87–90.
- Волженкин, Б. В. 1963. «Общественная опасность преступника и основания уголовной ответственности». *Правоведение* 3: 91–96.
- Денисов, С. А., Л. В. Готчина, А. Г. Хлебушкин, ред. 2020. *Уголовное право. Особенная часть*. СПб.: Р-КОПИ.
- Епифанова, Е. В. 2012. *Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция*. М.: Юрлитинформ.
- Иногамова-Хегай, Л. В., ред. 2023. *Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть*. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М.
- Коробеев, А. И., ред. 1999. *Российское уголовное право: курс лекций*. В 8 т. Т. 1. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та.
- Лопашенко, Н. А. 2011. «Административной преюдиции в уголовном праве — нет!» *Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации* 3 (23): 64–71.
- Лопашенко, Н. А., А. В. Голикова, Е. В. Кобзева, Д. А. Ковлагина, М. М. Лапунин, К. М. Хутов. 2020. «Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации». *Правоприменение* 4: 124–140.
- Мальцев, В. В. 1986. *Оценка следователем общественной опасности посягательства*. Волгоград: Высшая следственная школа МВД СССР.
- Мальцев, В. В. 1993. «Проблема отражения и оценки общественно опасного поведения в уголовном праве». Дис. ... д-ра юрид. наук, Академия МВД Российской Федерации.
- Марцев, А. И. 2001. «Общественная вредность и общественная опасность преступления». *Правоведение* 4 (237): 148–155.
- Марченко, М. Н., ред. 2008. *Юридический энциклопедический словарь*. М.: ТК Велби; Проспект.
- Махов, А. Е., Л. И. Петровская, В. М. Смолкин, В. Д. Шолле, ред. 2004. *Новый энциклопедический словарь*. М.: Большая рос. энцикл.; Рипол Классик.
- Ожегов, С. И., Н. Ю. Шведова. 2010. *Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений*. М.: А-ТЕМП.
- Осипов, Г. В., ред. 1998. *Социологический энциклопедический словарь*. М.: ИНФРА-М.
- Петров, И. Ф., С. И. Петрова. 2015. «Детерминизм культурных процессов и их динамика». *Вестник ИМСИТ* 1 (61): 54–61.
- Поршнев, А. Г., А. Я. Кибанов, В. Н. Гунин, ред. 2009. *Управление организацией: энциклопедический словарь*. 2009. М.: ИНФРА-М.
- Прокументов, Л. М. 2009. «Общественная опасность как основание криминализации (декриминализации) деяния». *Вестник Воронежского института МВД России* 4: 18–24.
- Прокументов, Л. М., ред. 2019. *Уголовное право. Особенная часть*. Томск: Изд. дом Том. гос. ун-та.
- Разгильдиев, Б. Т. 2017. «Фундаментальные аспекты уголовного наказания». *Всероссийский криминологический журнал* 3: 542–550.
- Румянцева, Е. Е. 2010. *Новая экономическая энциклопедия*. М.: ИНФРА-М.
- Семченков, И. П. 2019. «Признание общественной опасности конструктивным признаком понятия преступления методологически несостоятельно». *Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России* 1 (55): 41–44.
- Супатаев, М. А. 2010. «Свобода и справедливость в российском праве (цивилизационный аспект)». *Государство и право* 4: 5–11.
- Сухарев, А. Я., В. Д. Зорькин, В. Е. Крутских, ред. 1997. *Большой юридический словарь*. М.: ИНФРА-М.
- Сухарев, А. Я., ред. 1999. *Российская юридическая энциклопедия*. М.: ИНФРА-М.
- Филимонов, В. Д. 2018. «Роль генезиса преступления в формировании его общественной опасности». *Вестник Томского государственного университета. Право* 30: 137–146.

Статья поступила в редакцию 31 августа 2023 г.;
рекомендована к печати 30 июля 2024 г.

Контактная информация:

Корнеев Сергей Александрович — канд. юрид. наук; <https://orcid.org/0000-0001-9555-1195>,
kornei_lam@mail.ru

Головастова Юлия Александровна — д-р юрид. наук, доц.; <https://orcid.org/0000-0003-2636-7815>,
UGolovastova@yandex.ru

Public danger in the modern doctrine of criminal law: Inverse development trends

S. A. Korneev, Ju. A. Golovastova

Academy of Law Management of the Federal Penal Service of Russia,
1, ul. Sennaya, Ryazan, 390000, Russian Federation

For citation: Korneev S. A., Ju. A. Golovastova. 2024. “Public danger in the modern doctrine of criminal law: Inverse development trends”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 4: 993–1011. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.405> (In Russian)

One of the topical and timely directions in the development of criminal law science is the expansion of doctrinal ideas about the essence and content of public danger. Taking into account the influence of socio-political processes on criminal legislation and the practice of its application, a rethinking of the conceptual foundations of the theory of social danger is required. In the work, on the basis of identifying dialectical contradictions, regular trends in the development of social danger as a criminal law phenomenon are determined. Such opposites are recognized as the theory of a socially dangerous state of an act and the theory of a socially dangerous state of a person as the basis for criminal liability. Meanwhile, the presented technique also makes it possible to identify gaps and shortcomings in criminal legislation that reduce the effectiveness of legal regulation in the criminal law sphere. As a result of rule-making work, new legislative constructions are fixed in the Criminal Code of the Russian Federation, which contradict not only the principles of criminalization, but also the principles of criminal law. The most problematic issues of this order include: criminal law prohibitions that provide for liability for a socially dangerous state of the individual; norms of criminal law providing for an unjustified reduction in the public danger of an act; expansion of compositions with administrative prejudice. They force us to raise the question of the expediency and necessity of their introduction into the criminal law legislation. In the course of the study, the authors substantiate the idea that the criminal law phenomenon of “social danger” is characterized by inverse development trends. The analysis shows that this type of development is characterized by recurring qualitative changes that are present in the criminal law (reducing or increasing social danger) or indicating its loss, which are based on dialectical contradictions. The authors come to the conclusion that there is a dualism in the understanding of public danger, which is recognized as the basis for criminal liability, which is directly enshrined in the construction of the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: public danger, crime, status of the individual, grounds for criminal liability, administrative prejudice, criminal law.

References

Antonov, Yu. I., V. B. Borovikov, A. V. Galakhova, I. I. Golubov, N. N. Ishmatova, G. B. Kalmanov, V. A. Novikov, N. I. Pikurov, B. S. Rajkes, G. A. Rusanov. 2013. *Evaluation features in the Criminal Code of the Russian Federation: Scientific and Judicial Interpretation*. Ed. by A. V. Galakhova. Moscow, SPS “ConsultantPlus” Publ. (In Russian)

- Antonova, L. B. 2023. "Offense, crime and public danger". *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii* 1: 256–260. (In Russian)
- Averintsev, S. S., E. A. Arab-Ogly, L. F. Il'ichev, S. M. Kovalev, N. M. Landa, eds. 1989. *Philosophical encyclopedic dictionary*. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ. (In Russian)
- Bratus', S. N., N. D. Kazantsev, S. F. Kechek'ian, F. I. Kozhevnikov, V. F. Kotok, P. I. Kudriavtsev, V. M. Chkhikvadze. 1953. *Legal dictionary*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo iuridicheskoi literatury Publ. (In Russian)
- Brilliantov, A. V., A. D. Shcherbakov. 2020. "Theory of the dangerous state of personality: One step forward or two steps back?" *Gosudarstvo i pravo* 10: 90–99. (In Russian)
- Denisov, S. A., L. V. Gotchina, A. G. Khlebushkin, eds. 2020. *Criminal law. Special part*. St. Petersburg, R-KOPI Publ. (In Russian)
- Epifanova, E. V. 2012. *Public danger as a scientific category, legislative definition*. Moscow, Iurlitinform Publ. (In Russian)
- Filimonov, V. D. 2018. "The role of the genesis of crime in the formation of its public danger". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* 30: 137–146. (In Russian)
- Inogamova-Khegai, L. V., ed. 2023. *Criminal law of the Russian Federation. The special part*. 3rd ed., rev. and suppl. Moscow, INFRA-M Publ. (In Russian)
- Korobeev, A. I. (ed.). 1999. *Russian criminal law: A course of lectures*. In 8 vols, vol. 1. Vladivostok, Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta Publ. (In Russian)
- Lopashenko, N. A. 2011. "There is no administrative prejudice in criminal law!" *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii* 3 (23): 64–71. (In Russian)
- Lopashenko, N. A., A. V. Golikova, E. V. Kobzeva, D. A. Kovlagina, M. M. Lapunin, K. M. Khutov. 2020. "Public danger of crime: The concept and verification criteria". *Pravoprimenenie* 4: 124–140. (In Russian)
- Makhov, A. E., L. I. Petrovskaya, V. M. Smolkin, V. D. Sholle, eds. 2004. *New encyclopedic dictionary*. Moscow, Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia Publ.; Ripol Klassik Publ. (In Russian)
- Mal'tsev, V. V. 1986. *The investigator's assessment of the public danger of harassment*. Volgograd, Vysshiaia sledstvennaia shkola MVD SSSR Publ. (In Russian)
- Mal'tsev, V. V. 1993. "The problem of reflection and evaluation of socially dangerous behavior in criminal law". PhD Thesis in Law, Akademiia MVD Rossiiskoi Federatsii. (In Russian)
- Marchenko, M. N., ed. 2008. *Legal encyclopedic dictionary*. Moscow, TK Velbi Publ.; Prospekt Publ. (In Russian)
- Martsev, A. I. 2001. "Public harmfulness and public danger of crime". *Pravovedenie* 4 (237): 148–155. (In Russian)
- Osipov, G. V., ed. 1998. *Sociological encyclopedic dictionary*. Moscow, INFRA-M Publ. (In Russian)
- Ozhegov, S. I., N. Yu. Shvedova. 2010. *Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions*. Moscow, A-TEMP Publ. (In Russian)
- Petrov, I. F., S. I. Petrova. 2015. "Determinism of cultural processes and their dynamics". *Vestnik IMSIT* 1 (61): 54–61. (In Russian)
- Porshnev, A. G., A. Ya. Kibanov, V. N. Gunin, eds. 2009. *Organization management: An encyclopedic dictionary*. Moscow, INFRA-M Publ. (In Russian)
- Prozumentov, L. M. 2009. "Public danger as a basis for criminalization (decriminalization) of an act". *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii* 4: 18–24. (In Russian)
- Prozumentov, L. M., ed. 2019. *Criminal law. Special part*. Tomsk, Tomskii gosudarstvennyi universitet Publ. (In Russian)
- Razgil'diev, B. T. 2017. "Fundamental aspects of criminal punishment". *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* 3: 542–550. (In Russian)
- Rumiantseva, E. E. 2010. *New economic encyclopedia*. Moscow, INFRA-M Publ. (In Russian)
- Semchenkov, I. P. 2019. "Recognition of public danger as a constructive sign of the concept of crime is methodologically untenable". *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* 1 (55): 41–44. (In Russian)
- Sukharev, A. Ya., ed. 1999. *Russian legal encyclopedia*. Moscow, INFRA-M Publ. (In Russian)
- Sukharev, A. Ya., V. D. Zor'kin, V. E. Krutskikh, eds. 1997. *Big legal dictionary*. Moscow, INFRA-M Publ. (In Russian)

- Supataev, M. A. 2010. "Freedom and justice in Russian law (civilizational aspect)". *Gosudarstvo i pravo* 4: 5–11. (In Russian)
- Vasil'ev, E. A. 2007. "Public danger is the main criterion for distinguishing administrative offenses from crimes". *Gosudarstvo i pravo* 4: 87–90. (In Russian)
- Volzhenkin, B. V. 1963. "Public danger of the criminal and grounds for criminal liability". *Pravovedenie* 3: 91–96. (In Russian)

Received: August 31, 2023

Accepted: July 30, 2024

Authors' information:

Sergei A. Korneev — PhD in Law; <https://orcid.org/0000-0001-9555-1195>, kornei_lam@mail.ru

Julia A. Golovastova — Dr. Sci. in Law, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0003-2636-7815>,
UGolovastova@yandex.ru